

9. Шашкина, О. Г. Роль речевого голоса и кинесических средств в реализации национально-культурной специфики эмоционального реагирования : на материале художественной литературы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Шашкина. – М., 2006. – 178 л.

10. Kürthy, I. von. Blaue Wunder / I. von Kürthy. – 2. Aufl. – Reinbek : Rowohlt Taschenbuch Verl., 2005. – 252 s.

УДК 004.912

**СОВРЕМЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КАК ИНСТРУМЕНТ НАГЛЯДНОСТИ И ИСТОЧНИК
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ
О РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РКИ**

Романец В. А.

магистрант

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

В статье рассматривается парадокс в современной методике преподавания РКИ: при признании важности формирования лингвокультурологической компетенции, доминирующие коммуникативные подходы часто оставляют без внимания изучение категорий национальной ментальности. В качестве решения этой проблемы автор предлагает целенаправленное использование художественной литературы как мощного инструмента для визуализации и осмысления абстрактных концептов русской культуры.

Ключевые слова: РКИ; ментальность; национальные архетипы; культурные оппозиции; лингвокультурология.

В современной методике преподавания РКИ существует парадокс: с одной стороны, необходимость формирования лингвокультурологической компетенции признается одной из ключевых целей обучения; с другой — доминирующие коммуникативные подходы часто оставляют категории национальной ментальности на периферии, как нечто подразумевающееся и не требующее специального изучения. Преодолеть этот разрыв позволяет целенаправленное использование художественной литературы, которая является не просто сборником текстов для чтения, но и мощнейшим инструментом наглядности, «симулятором» русской языковой и культурной реальности.

Данная статья призвана продемонстрировать, как через анализ художественных текстов на уроках РКИ можно визуализировать, сделать осязаемыми и понятными для иностранных студентов

абстрактные категории русской ментальности, превратив их из теоретического конструкта в живой опыт.

Прежде чем переходить к анализу текстов, необходимо определить категориальный аппарат. Под ментальностью в контексте РКИ мы понимаем исторически сложившуюся совокупность образов, представлений и установок, определяющих специфическое восприятие мира носителями русской культуры и находящихся отражение в языке и коммуникативных практиках.

Русская ментальность не является хаотичным набором черт, но представляет собой структурированное поле, образуемое устойчивыми архетипами, наполняемыми конкретным историческим содержанием мифологемами, скрепленное символическими «местами памяти» и проявляющееся в системе бинарных культурных оппозиций. Взаимодействие этих элементов формирует тот уникальный культурный код, который репрезентируется в художественной литературе и может быть «прочитан» в процессе лингвокультурологического анализа.

Фундаментом этой системы выступают архетипы и национальные мифологемы. Если архетипы, по Юнгу, – это глубинные, бессознательные психические структуры, «первичные схемы» коллективного опыта (например, архетип Матери, Героя, Тени), то в национальной культуре они кристаллизуются в конкретные мифологемы – устойчивые сюжеты и образы, наполненные этнически специфическим содержанием. Так, архетипическая схема «борьбы со злом» и «самопожертвования» в русской традиции воплощается в мифологему «защитника Земли Русской» – от былинных богатырей до солдата Великой Отечественной войны. Архетип «духовного странничества» и поиска высшей правды находит свое выражение в мифологемах «святой Руси», «града Китежа» или, в современном прочтении, «Русского Севера» как заповедника аутентичной духовности, противостоящего суетной цивилизации. Эти мифологемы не являются застывшими формами; они динамичны и способны к трансформации, наполняясь новым смыслом в разные исторические периоды, но при этом сохраняя свою структурообразующую для ментальности функцию.

Содержательным наполнением и историческим якорем для этих мифологем служат «места памяти» (*lieux de mémoire*), концепт, разработанный Пьером Норой. Под «местами памяти» понимаются не только физические объекты (Куликово поле, Бородино, Мамаев

курган), но и любые значимые символы, события, тексты и личности, которые общество признает частью своей коллективной идентичности и в которых концентрируется исторический опыт. «Места памяти» – это материализованная история, которая постоянно актуализируется в культурном дискурсе. Для России такими местами памяти являются не только победы (Куликовская битва, 1812 год, 1945 год), но и травмы (Смутное время, репрессии, распад СССР), а также фигуры (Александр Невский, Пушкин, Гагарин) и культурные феномены (например, русский рок). Именно через обращение к этим «местам» литература и общество в целом воспроизводят и переосмысливают свою идентичность. Мифологема «русского бунта» оживает, когда мы обращаемся к «местам памяти», связанным с Пугачевским восстанием или Революцией 1917 года; мифологема «соборности» и «единения перед лицом врага» актуализируется через память о Великой Отечественной войне.

Динамическое напряжение внутри ментальности наиболее ярко проявляется в системе культурных оппозиций, которые задают систему координат для национального мировосприятия. Эти оппозиции не являются строгими логическими категориями, но отражают внутренние противоречия и диалектику национального характера. К числу ключевых для русской ментальности относятся:

1. «Соборность / общинность vs. анархический индивидуализм». С одной стороны, глубоко укорененный идеал коллективного, соборного единства, взаимопомощи и примата «мира» над личным интересом. С другой – знаменитая «русская удаль», бунтарский дух, нежелание подчиняться формальным правилам и установлениям, ярко выраженное в образе «потерянного» маргинального персонажа.

2. «Духовность / метафизичность vs. быт / «пошлость»». Эта оппозиция отражает вечный поиск высшего смысла, склонность к рефлексии и философствованию при одновременном пренебрежении к материальному комфорту, бытовой неустроенности и погруженности в «топь» повседневности, что порождает феномен русской тоски.

3. «Мессианство / патриотизм vs. национальное самоуничтожение». Идея «особой судьбы» России, ее роли как «Третьего Рима» или спасителя человечества сталкивается с мощной критической традицией, направленной внутрь, с болезненным переживанием национальных недостатков и трагедий.

Таким образом, русская ментальность предстает не как статичный перечень черт, а как живой, динамичный и подчас противоречивый организм. Его «скелет» образуют архетипические структуры, «плоть и кровь» – национальные мифологемы, «память» хранится в символических «местах памяти», а «пульс» бьется в напряжении между полюсами фундаментальных культурных оппозиций. Художественная литература становится тем пространством, где все эти элементы оживают, вступают в диалог и конфликт, предоставляя уникальный материал для постижения глубинных основ русского национального характера.

Рассмотренные теоретические конструкты получают живое воплощение в текстах современных русских писателей, где архетипы, «места памяти» и культурные оппозиции перестают быть абстракциями, становясь плотью и кровью художественного мира. Анализ произведений Александра Бушковского «Рымба» и Алексея Иванова «Ёбург» позволяет не только выявить эти элементы, но и наметить практические пути их интеграции в курс РКИ для формирования лингвокультурологической компетенции.

Роман-притча Александра Бушковского «Рымба» представляет собой концентрированное воплощение архетипов, восходящих к идеалу «Святой Руси». Остров Рымба — это модель сакрального пространства, духовного убежища, где доминирует принцип соборности. Жизнь трёх семей острова подчинена не личным интересам, но общему духовному и хозяйственному ладу, что проявляется в коллективном противостоянии планам чиновников по застройке. Здесь же находит воплощение архетип «русского богатыря» – мужчины-труженика и защитника (Волдырь, Митя), чья сила служит созиданию, и одновременно – архетип милосердия к «сирым и убогим», выраженный в сцене усыновления слепой девочки Веры. Методический потенциал «Рымбы» для РКИ (уровень В2-С1) заключается в возможности перейти к обсуждению ценностных категорий. Эффективны задания по семантизации ключевых концептов (соборность, духовность, милосердие), проектная работа «Кодекс чести рымбарина», где студенты формулируют неписанные правила жизни общины, и дискуссия «Свой vs. Чужой», раскрывающая отношение к глобализации и традициям в современном российском контексте.

В свою очередь, сборник очерков Алексея Иванова «Ёбург» демонстрирует, как классические архетипы трансформируются

в переломные исторические периоды, создавая новые «места памяти». Архетип «русского бунта» здесь лишается романтического ореола и проявляется в «бытовом» измерении – например, в новогоднем бунте из-за нехватки алкоголя, что отражает глубинное раздражение системой дефицита. Иванов создает каталог «мест памяти» конца XX века, сформировавших новую идентичность: русский рок из андеграундного явления становится объединяющим мифом для поколения; ОПГ кристаллизуют «понятийный» кодекс чести и формируют стойкий имидж «бандитской России»; «афганский синдром» становится травматическим «местом памяти» о «потерянном поколении» ветеранов. Методическое применение «Ёбурга» на занятиях (уровень В1+; В2) позволяет погрузить студентов в реалии новейшей истории. Работа строится вокруг лингвострановедческого комментария к концептам эпохи (перестройка, гласность, лихие девяностые), проекта «Экскурсия в 90-е», где студенты исследуют одно из явлений (рок, ОПГ, дефицит), и итоговой сравнительной дискуссии «Два лика русской ментальности», сопоставляющей ценности «Рымбы» и реалии «Ёбурга».

Таким образом, диахроническое рассмотрение прозы Бушковского и Иванова в курсе РКИ выстраивает для учащихся многомерную панораму русской ментальности: от её укоренённых в традиции и природе архетипов до их сложной и болезненной трансформации в эпоху социальных катаклизмов. Такой подход не только обогащает лексический запас, но и даёт ключ к пониманию культурных кодов и ценностных ориентиров, без которых полноценная межкультурная коммуникация на русском языке невозможна.

Таким образом, художественная литература, выступая в курсе РКИ в роли многофункционального лингвокультурологического конструктора, позволяет преодолеть разрыв между изучением языковой системы и постижением глубинных основ национальной ментальности. Диахронический анализ текстов, раскрывающих как вечные архетипы «соборности» и «духовного странничества» (А. Бушковский), так и их трансформацию в переломные исторические эпохи через новые «места памяти» (А. Иванов), создаёт для учащихся целостную и динамичную картину русского мира. Такой подход не только обогащает лексический запас и развивает речевые навыки, но и формирует культурную компетенцию, обеспечивая переход от владения языком как инструментом к пониманию его как

- Секция 1. Язык и литературное наследие как факторы формирования информационной культуры личности

живого воплощения национального духа, что в конечном итоге и составляет цель подлинного межкультурного диалога.

Список использованных источников

1. Баглиева, А. З. Понятие «менталитет»: особенности определения / А. З. Баглиева // Система ценностей современного общества. – 2008. – С. 25–29.
2. Бушковский, А. С. Рымба : роман / А. С. Бушковский. – М. : АСТ, 2019. – 350 с.
3. Вьюнов, Ю. А. Русский культурный архетип. Страноведение России. Характер. Склад мышления. Духовные ориентации / Ю. А. Вьюнов. – М. : Флинта, 2011. – 478 с.
4. Земсков, В. Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры / В. Б. Земсков // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI в.). – 2011. – № 5. – С. 233–254.
5. Иванов, А. Ебург : роман / А. Иванов. – М. : АЗЪ, 2012. – 555 с.
6. Колесов, В. В. Язык и ментальность. – СПб. : АСТ, 2004. – 123 с.
7. Репина, Л. П. Образы прошлого в памяти и истории / Л. П. Репина. – М. : АЗЪ, 2003. – 327 с.

УДК 811.161.3'373.46

**КЛАСІФІКАЦЫЯ ЛЕСАТЭХНІЧНЫХ ТЭРМІНАЎ
ПА СТУПЕНІ СПЕЦЫЯЛІЗАЦЫІ ЗНАЧЭННЯ**

Русака В. У.

дацэнт, канд. філал. навук

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт, г. Мінск

Артыкул прысвечаны аналізу класіфікацыі лесатэхнічных тэрмінаў па ступені спецыялізацыі значэння. У межах аналізуемай тэрмінасістэмы вылучаюцца вузкасפעцыяльныя, міжгаліновыя і агульнанавуковыя тэрміны. Разглядаюцца тэматычныя групы вузкасפעцыяльных лесатэхнічных тэрмінаў. Адзначаецца, што міжгаліновыя тэрміны функцыянуюць у лесатэхнічнай сферы па прычыне яе цеснай сувязі з іншымі галінамі навукі. Агульнанавуковыя тэрміны, як правіла, прадстаўлены ў якасці кампанентаў мнагаслоўных вузкасפעцыяльных лесатэхнічных тэрмінаў.

Ключавыя словы: лесатэхнічная тэрміналогія, вузкасפעцыяльныя тэрміны, міжгаліновыя тэрміны, агульнанавуковыя тэрміны.

Значэнне класіфікацыі для тэрміналагічнай дзейнасці цяжка пераацаніць. Менавіта праз класіфікацыйную схему раскрываецца і наглядна дэманструецца логіка-паняцыйная структура прадметнай галіны ва ўсёй разнастайнасці яе сувязей і адносін.